

Михайлова Е. Н.

ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТРУДАХ ПЬЕРА ДЕ ЛА РАМЕ (К ВОПРОСУ О МАРГИНАЛЬНЫХ ПАРАДИГМАХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/53.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 122-125. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- ведение словариков, словарных карточек, словников-списков языковых единиц по разным признакам, в том числе с использованием компьютерных ресурсов;
- составление различного рода рабочих опорных схем, таблиц, карт и др.;
- ведение грамматических и других справочников по типу «грамматика для себя», «грамматика в схемах и таблицах» и других индивидуальных форм, в том числе с использованием компьютерных ресурсов;
- составление файла образцов собственных речевых произведений, тестовых заданий, различных творческих работ в форме Language Portfolio.

Стратегии запоминания предполагают использование таких приемов, как:

- повторение образцов-предложений, повторение с заменой/подстановкой значимых слов-членов предложения, расширением предложения;
- составление предложений, аналогичных примеру-образцу;
- использование двуязычных карточек, списков языковых единиц, двуязычных комментариев.

Стратегии самоконтроля и самокоррекции языковых навыков и речевых умений предполагают:

- мониторинг адекватности и корректности своей устной речи (умение «слушать себя» и «следить за своей речью», «самокоррекция»);
- корректорское чтение;
- самозапись и корректорское прослушивание своих высказываний;
- соотнесение и рефлексивная оценка результата чтения с информационными ожиданиями и целью в конкретной ситуации.

Самостоятельная работа студентов при чтении художественной литературы на иностранном языке включала несколько этапов: 1) *ознакомительный этап*, в ходе которого со студентами обсуждались цели самостоятельной работы, привлекались теоретические знания, полученные на лекционных курсах и семинарах по методике обучения иностранному языку, 2) *подготовительный этап* на котором студенты планировали собственную учебную деятельность при чтении художественного произведения и выбирали учебные стратегии и приемы самостоятельной работы, 3) *этап применения* предполагал использование учебных стратегий и приемов работы над текстом художественного произведения, 4) *этап оценивания результатов учения* представлял анализ собственной учебной деятельности студентов, поиск эффективных стратегий и приемов работы с материалом художественного текста на иностранном языке для овладения необходимыми языковыми навыками.

Самостоятельная работа над текстом художественного произведения включала следующие формы работы: 1) *индивидуальные занятия* (в библиотеке, ресурсном центре, дома) являлись важным элементом в работе студентов по расширению и закреплению знаний, 2) *консультации* для коррекции речевой деятельности студентов и обсуждения результатов учения.

Организация самостоятельной работы по чтению художественной литературы на иностранном языке способствует развитию интеллектуальных способностей и творческого мышления студентов, формированию профессиональных качеств специалиста, ускорению и высокой результативности процесса обучения за счет самостоятельного изучения материала (чтение художественных произведений на иностранном языке).

Список использованной литературы

1. Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. - СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», Cambridge University Press, 2001. - 224 с.
2. Коряковцева Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей. - М.: АРКТИ, 2002.
3. Ломтева Т. Н. Андрагогика в контексте гуманистической образовательной парадигмы. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. - 340 с.
4. Соловова Н. В. Организация и контроль самостоятельной работы студентов: Метод. рекомендации. - Самара: «Универс-групп», 2006. - 13 с.

ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТРУДАХ ПЬЕРА ДЕ ЛА РАМЕ (К ВОПРОСУ О МАРГИНАЛЬНЫХ ПАРАДИГМАХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ)

*Михайлова Е. Н.
Белгородский государственный университет*

Неуклонный рост исследований по истории языкознания, начавшийся во второй половине XX в., свидетельствует о значимости осмысления пути, пройденного наукой о языке за время ее существования. Прогресс, достигнутый в последние годы в работах по истории лингвистической мысли несомненен, однако в данной области осталось немало нерешенных проблем. К их числу, в частности, относится проблема развития научного знания, предполагающая проникновение в суть изменений, претерпеваемых наукой, и направленная на выявление движущих сил научного познания.

Известно, что история науки представляет собой сложный процесс, полный противоречий, борьбы различных мнений, гипотез, теорий, спадов, подъемов, возвращений на новом уровне к старым, давно остав-

ленным и забытым взглядам. Для истории научной мысли характерно сосуществование в одно время по меньшей мере двух, а иногда и большего числа направлений научной деятельности, которые нередко ожесточенно соперничают друг с другом. Как правило, в тот или иной период одно из таких направлений занимает доминирующее положение, другие оказываются на периферии. Однако общая динамика познавательного процесса приводит к тому, что периферийные направления впоследствии нередко становятся доминирующими, а некогда господствовавшие направления надолго уходят в тень. Именно поэтому выявление динамики развития знания невозможно без учета многообразия идей и мнений, проявивших себя на том или ином этапе развития научного знания.

В последнее время все настойчивее высказывается мысль о том, что вопрос о движущих силах, предпосылках и последствиях научных процессов не может быть решен без обращения к социально-историческим условиям, в которых происходит становление научного знания. Для этого, как пишет В. Банер, необходим учет таких значимых для языкознания факторов, как социальная практика и обусловленные ею потребности, основные идеологические тенденции, наконец, основные тенденции развития науки в целом [Bahner 1981: 1283]. Именно эти факторы определяют судьбы научных концепций, поднимая на щит одни и надолго отодвигая в тень иные.

Другой, не менее значимой на сегодняшний день проблемой историологии лингвистики как неотъемлемой части современного науковедения является проблема изучения качественных переломов в науке, названных «научными революциями». В истории языкознания таким мощным переломом отмечена эпоха Возрождения, ставшая началом беспрецедентного по своему масштабу процесса грамматизации языков мира на базе греко-латинского канона. Наряду с Италией и Испанией заметных успехов в этом направлении добилась Франция, за несколько десятилетий XVI в. сумевшая создать оригинальную систему воззрений на язык, богатую интересными идеями и элегантными решениями.

К числу наиболее заметных фигур в истории французской национальной лингвистической традиции принадлежат такие авторы, как Робер и Анри Этьены, Луи Мегре, Антуан Коши. Особое место в плеяде французских грамматистов занимает Пьер де ла Раме или Петрус Рамус (1515-1572), одна из ярчайших звезд в созвездии титанов Возрождения. Крупнейший философ XVI в., широко известный в ряде стран Европы, реформатор системы обучения, блистательный математик, историк-новатор, автор нескольких филологических сочинений, в числе которых трактат по риторике, грамматике латинского, греческого и французского языков, реформатор французской орфографии - вот далеко не полная характеристика этого неординарного даже по меркам той эпохи ученого.

Лингвистические работы Рамуса неоднократно становились объектом научного рассмотрения, при этом практически все исследователи, занимавшиеся изучением его воззрений на язык, отмечали оригинальность предлагаемых им решений извечных вопросов грамматики [Kukenhaim 1932; Chevalier 1968; Dumont-Demaizière 1983; Augoux 1992]. Это касается прежде всего учения о частях речи, традиционно занимавшего центральное место в системе грамматики. Как отмечает С. Ору, европейская теория классов слов достаточно рано приобрела автономию, в связи с чем возникли такие проблемы, как: 1) составление исчерпывающего перечня классов, соответствующих частям речи; 2) обоснование иерархии классов слов; 3) определение этих классов; 4) категоризация всех форм данного языка; 5) категоризация всех форм всех известных языков [Ору 2000: 120]. Все эти проблемы решались и в рамках ренессансной традиции, при этом в силу того, что во Франции происходило становление национальной парадигмы грамматики, решение этих вопросов не было однозначным, поэтому можно говорить о многоликости этой традиции, оставившей немало авторских парадигм, отмеченных нестандартными подходами к решению проблемы частей речи.

Оригинальность концепции, предложенной Рамусом, состоит, во-первых, в том, что вопреки принятым в то время принципам грамматического описания, согласно которым каноническое число частей речи сводилось к восьми классам слов, Рамус выделял только шесть частей речи (имя, местоимение, глагол, предлог, наречие, союз). При этом он предпринял попытку создания своего рода «формальной грамматики», положив в основу дефиниций классов слов не семантический, как в то время было принято, а формальный критерий. Именно поэтому ведущие историографы языкознания причисляют Рамуса к предшественникам формального направления в лингвистике [Mounin 1967; Chevalier 1968; Dumont-Demaizière 1983; Тимонина 1980 и др.]. Вместо канонических определений классов слов, восходящих к Присциану, Рамус приводит свои собственные, в частности, для главных с точки зрения иерархии классов слов - имени и глагола - в его грамматиках даются такие определения: «Имя - это слово с числом и родом»; «Глагол - это слово с числом и временем» [Ramus 1559: 115, 123; Ramus 1564: 10, 25; Ramus 1587: 69, 87]. Своеобразная аскетичность этих определений обусловлена методологическими принципами его учения о языке.

Во-вторых, в грамматике Рамуса в одной из первых в ту эпоху, синтаксис был выделен в самостоятельный раздел грамматики наряду с этимологией (т.е. учением о частях речи), что позволило ему обратиться к рассмотрению сочетательных возможностей, порядка слов и особенностей функционирования классов слов в речи. И хотя синтаксис Рамуса в большинстве научных исследований получил невысокую оценку (его называли «поверхностным», «недостаточным», «бесполезным», «сомнительным»), в контексте общелингвистической концепции ученого этот раздел грамматики необходим, поскольку с его помощью задолго до утверждения в теоретическом языкознании дихотомии «язык - речь» Рамусу удалось уловить и показать двуединую природу слова как части речи.

В-третьих, категориальная система частей речи в его грамматике тесным образом связана с философскими воззрениями ученого, что позволило ему по-новому интерпретировать канонические понятия знания о языке. Именно о синтезе философии и грамматики как о методе Рамуса писал в свое время Р. Бемент: «В трудах Рамуса виден как грамматик, так и философ: грамматик - опытный писатель и преподаватель греческой и латинской грамматики; и философ, доводящий свои исследования до логического конца, постоянно расширяющий и пересматривающий свои выводы» [Bement 1928: 311]. Так, для Рамуса категория числа становится критерием, по которому он делит все классы слов по частям речи - по сути дела число становится для него ведущей единицей категоризации мира языка. Другая категория бытия - род - становится дополнительным критерием, позволяющим проводить классификацию форм внутри частей речи. Так, благодаря категории рода Рамус приходит к пониманию качественного различия между такими подклассами имени, как существительное и прилагательное: «Существительное - это слово с одним родом» [Ramus 1559: 116; Ramus 1564: 11; Vj; Ramus 1587: 69]. Пытаясь осмыслить природу категории рода, ученый приходит к пониманию ее неоднозначности применительно к разным классам слов, по-своему предвосхищая разделение категории рода на категорию классификационную и согласовательную.

Другой аспект, затрагиваемый Рамусом на страницах его трудов по грамматике, связан с необходимостью различения нюансов значений традиционных категорий. Эволюцию воззрений ученого можно проследить, сопоставив его французскую грамматику с написанными им ранее трудами по латинскому и греческому языкам. В них он занят решением проблемы разграничения логического и грамматического рода, в связи с чем он обращается к понятиям реального и словесного рода или, как он их называет, «природного» и «фиктивного» (*genus naturale*, *genus fictum*) [Ramus 1562: 9; 1564: 10a-10bj; 1581: 93]. В грамматике французского языка, последней из его работ (1572), Рамус полностью отвлекается от рассмотрения «чистых значений и воображаемых сущностей» и тем самым доводит свой метод формального анализа до логического конца.

Текстологический анализ грамматических сочинений Рамуса показывает, что точность и рельефность изображения языковой действительности соседствуют в них с четкой аргументацией и по-своему безупречной логикой мышления, что отражало стремление гуманистов не только все описать, но и всему дать свое объяснение. Тем не менее, несмотря на очевидность достижений Рамуса в области теории языка далеко не все из того, что получило отражение на страницах его лингвистических работ, было воспринято традицией последующего времени. Рамус остается в истории грамматической мысли прежде всего как основоположник рационализма, создатель собственного метода, своего рода предвестник Декарта и авторов «Грамматики Пор-Рояль». Однако система частей речи, предложенная им, равно как и трактовка грамматических категорий остались на периферии традиции. Возникает вопрос: почему столь оригинальная, по-своему зрелая, цельная лингвистическая концепция не получила дальнейшего развития, так и оставшись в рамках грамматического канона XVI в. маргинальным явлением?

Вполне исчерпывающий ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к социо-культурному контексту эпохи Возрождения - эпохи революционных открытий, приветствовавшей свободомыслие, самостоятельность суждений, научный поиск, основанный на наблюдении и опыте и в то же время не свободной от заблуждений и противоречий. Устремления Рамуса как ученого, искавшего свой путь в познании мира и бытия, в целом соответствовали тенденциям развития ренессансной науки. Однако в чем-то его лингвистическая концепция оказалась слишком революционной даже для этой эпохи больших перемен. Прежде всего, его теоретические искания шли в известной мере вразрез с потребностями социальной практики, которые в эпоху Возрождения сводились к созданию апологий и грамматик родного языка. А так как французская национальная традиция находилась в процессе становления, она искала опоры в канонических текстах - у Доната, Присциана и других позднеантичных грамматистов, поэтому идеалом добротной грамматики той поры были работы, опиравшиеся на правила грамматического искусства, хорошо всем известные из латинских грамматик. Большинство авторов эпохи шло по пути приспособления канона к материалу французского языка, при этом категории и понятия не механически переносились на новый языковой материал, а подвергались качественному переосмыслению. Иначе говоря, при внешней неизменности канона, сущность его ключевых положений оказывалась трансформированной. Ярким примером именно такого преобразования канона «изнутри» служат грамматики Л. Мегре и Р. Этьена. Рамус, напротив, пошел по пути кардинальных преобразований, затронувших внешнюю сторону канона, что в эпоху поиска опоры для новой традиции оказалось слишком радикальным приемом познания.

С другой стороны, ответ на вопрос о том, почему учение Рамуса о частях речи осталось на периферии ренессансной грамматической традиции, связан с причинами чисто субъективного характера. Как писал С. Д. Кацнельсон: «История языкознания - это персонафицированная и драматизированная теория языка, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено ярлыком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с появлением их в науке» [Кацнельсон 1980: 5]. Действительно, судьба научной концепции Рамуса оказалась тесно связанной с судьбой ее творца. Ранние его работы по языку, увидевшие свет еще в 50-е гг. XVI в., были встречены не вполне доброжелательно, поскольку уже в начале своего научного поприща Рамус заявил о себе как непримиримый противник традиции (в то время традиции схоластической, но тем не менее, традиции). Личные качества ученого - нетерпимость к догматизму, сковывающему разум, высочайшая требовательность к себе и другим, непрерывный научный поиск, острый ум,

задор, энергия, энтузиазм - все это не только умножало число почитателей ученого, но и увеличивало ряды его оппонентов.

Идеологические и религиозные противоречия, обострившиеся во Франции в период 40-е - 70-е гг. XVI в., также мало способствовали популяризации идей ученого, подозреваемого в симпатиях протестантизму. Так, в марте 1544 г. по указу Франциска I (одного из самых просвещенных монархов Франции) философские книги Рамуса подверглись публичному сожжению. В силу неблагонадежности автора его работы по языку во Франции не переиздавались (в отличие, к примеру, от работ Ж. Пилло, Р. Этьена или А. Коши); известны лишь переиздания его трактата по латинскому языку [Sholae Grammaticae 1559], опубликованной в 1581 г. у А. Вешеля и французской грамматики 1572 г., опубликованной в типографии Ж. Дю Валя в 1587 г. Варфоломеевская ночь, одной из жертв которой пал Рамус, и последовавшая за ней череда религиозных войн привели к тому, что его идеи во Франции вплоть до Нантского эдикта были под запретом. А в связи с тем, что в конце XVI-начале XVII в. французская лингвистическая традиция вступила в новую фазу своего развития, для которой актуальность приобрели другие проблемы, идеи новатора-грамматиста оказались надолго забыты.

Список использованной литературы

1. **Кацнельсон С. Д.** Предисловие // История лингвистических учений. Древний мир. - М.-Л., 1980. - С. 5-8.
2. **Ору С.** История. Эпистемология. Язык. - М., 2000. - 406 с.
3. **Тимонина А. П.** Первые французские грамматики и их роль в кодификации норм общепользуемого письменного литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1980. - 12 с.
4. **Auroux S.** Histoire des idées linguistiques. - P., 1992.
5. **Bahner W.** Theoretische und methodologische Aspekte in der Historiographie des Sprachwissenschaft // Dt. Ztschr. Für Philosophie. - Berlin, 1981. - Jg. 29. - H. 11. - S. 1281-1293.
6. **Bement N. S.** Petrus Ramus and the Beginning of Formal French Grammar // Romanic Review. - 1928. - Vol. XIX. - № 4. - Pp. 309-323.
7. **Chevalier J.-Cl.** La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750): Thèse. - Genève, 1968. - 776 p.
8. **Dumont-Demaizière C.** Les grammaires françaises au XVI-e siècle: Les grammairiens picards: Thèse. - P., 1983. - VIII. - 1096 p.
9. **Kukenheim L.** Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance: Thèse. - Amsterdam, 1932. - 215 p.
10. **Mounin G.** Histoire de la linguistique dès origines au XX-e siècle. - P., 1967. - 189 p.

Список использованных источников

1. **Ramus Petrus.** Grammatica (1559). - Parisiis, apud A. Wechelum, 1564. - 63 p.
2. **Ramus Petrus.** Grammatica Graeca (1559). - Parisiis, apud A. Wechelum, 1562. - 111 p.
3. **Petrus Ramus.** Grammaire (1572). - Paris, chez D. du Val, 1587. - 232 p.
4. **Ramus Petrus.** Scholae grammaticae. - Parisiis, apud Ch. Wechelum, 1559. - 346 p.
5. **Ramus Petrus.** Scholae grammaticae (1559). - Parisiis, apud Ch. Wechelum, 1581. - 358 p.

КАТЕГОРИЯ СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Мкртычян С. В.

Военная академия воздушно-космической обороны

В русле современной антропоцентрической научной парадигмы (под термином «научная парадигма» мы понимаем методологию научного исследования) акцент исследовательских интересов сместился с изучения языка как системы знаков на детальное комплексное изучение человеческого общения, коммуникативного взаимодействия индивидуумов с учетом различных составляющих (лингвистической, психологической, социальной, этноспецифической), что нашло отражение с многочисленных трудах Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, М. Л. Макарова, Ю. Г. Прохорова, А. А. Романова, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Ю. А. Сорокина, И. П. Сусова, С. А. Сухих и целого ряда зарубежных ученых. Активное и продуктивное развитие современных направлений лингвистики (прагматики, риторики, когнитологии, психолингвистики и др.) стимулирует разрешение целого ряда вопросов, находящихся в ведении стилистики, которая, будучи по сути инкорпорированной в каждое из этих направлений, оказывается в состоянии стагнации как самостоятельное лингвистическое направление. Нельзя не согласиться с О. Г. Ревзиной, в том что, на первый взгляд, стилистика «осталась индифферентной и к смене научной парадигмы - лингвистике» [Ревзина 2004: 11-12]. Между тем стиль - это «не только научный термин, но и один из ключевых культурных концептов. В этом качестве представление о стиле - достояние общезыкового, общенационального культурного сознания» [Ревзина 2004: 12]. Стиль - упаковка смысла, результат творческого использования языка. Стиль всегда альтернативен. На стиле нельзя говорить, но стилем можно пользоваться. Широкое понимание стиля как манеры, характеризующейся комплексом типических признаков, дает возможность рассматривать эту категорию многосторонне.

В русистике традиционно стиль понимается как «функциональный стиль» (по В. В. Виноградову). В трактовке В. В. Виноградова, функциональный стиль отождествляется с «разновидностью литературного